

Пролог

*Последний месяц лета, год 86 от Первого слова.
Архипелаг Итен, Северный остров.*

Кровь из разбитой губы попала в рот. Алекс сплюнул, повернув голову, — отозвался болью ушибленный висок. Проклятые ивварцы, занесло же их в таверну так некстати! Конь в упряжке повозки фыркнул и, понукаемый кучером, прибавил ходу.

Солёный ветер крепчал, волосы лезли в лицо, цепляясь за серьгу в ухе. С моря надвигался шторм. Тучи клубились на потемневшем небе, оно всё больше набиралось гнева и готовилось разъяриться грозой. Шквалистые порывы доносили с близкого берега брызги, поднимали пыль на дороге и гнули ветви деревьев так, что те скрипели и трещали.

Наконец впереди, у развилки на дороге, показался старый рыбацкий дом.

— Останови! — скомандовал Алекс кучеру и, когда повозка со скрежетом притормозила, спрыгнул на землю. — Погоди здесь, я недолго.

Деревня будто вымерла: вокруг никого, никакой суеты перед штормом, даже псы не лаяли. В соседних до-

мах было темно, кое-где окна и вовсе заколочены досками. Похоже, стоило приехать раньше, а ведь если бы не случайные обстоятельства, он бы ещё нескоро добрался до родного дома. Привычно скрипнула знакомая калитка, а узкая тропинка к дому заросла травой. Живы хоть?! Алекс громко ударил старым железным кольцом об дерево, а потом с силой отворил незапертую дверь и, пригнувшись, вошёл внутрь.

Сколько тут не был, года полтора? Показалось, даже потолки в доме стали ниже. Алекс с осторожностью выпрямился, едва не задевая головой доски.

— Отец? — позвал он.

Вскоре раздался лёгкий скрип старых досок. Но вместо отца из маленькой комнаты вышла заспанная мачеха. Она держала в дрожащей руке масляную лампу и щурилась, вглядываясь в полумрак перед собой. В свете огня морщины на её лице казались резче и глубже, чем раньше. Какой дряхлой она теперь стала... Остро кольнуло жалостью.

— Алекс?! Но как ше?.. — проскрипела она со старовивварским акцентом, грубо и с твёрдыми согласными. Алекс и забыл, как говорят тут, в деревнях.

— Письмо вы, значит, не получили, — он сбросил камзол на сундук в углу и тяжело выдохнул. — Где отец?

— Он болеет и слаб. Спит. — Пожевав губами, Грейя сухо спросила: — Ты голоден?

— Нет, матушка, — Алекс позволил себе скупую улыбку, — я похож на голодного? У меня немного времени, к сожалению. Нужно поговорить с отцом. И с тобой.

Грейя сощурилась, осмотрев его разбитое лицо, но только молча ушла на кухню.

— ...пропадает невесть сколько, а потом валится на голову, весь драный, как подзаборный кот, — донеслось

оттуда ворчание старухи, которая загремела посудой в шкафах. — Капитан Дельгар, герой, как ше, как ше... — передразнила она. — Двадцать девять лет, а сам...

Не желая слушать её брюзжание, Алекс одёрнул порванный в таверне рукав и прошёл в комнату к отцу. Тот и правда выглядел плохо: бледный, осунувшийся, он лежал на низкой кушетке у самой стены и дышал сипло, с трудом. Отцу шёл девятый десяток, и болезни год за годом подтачивали ослабевшее здоровье.

Он даже не пришёл в себя, когда Алекс присел рядом и замер, изучая отцовское лицо. Спокойное, расслабленное. Простое. Но в его мягких чертах, сглаженных временем, во впавших щеках, в фамильной горбинке носа Алекс искал что-то иное. Тёмное. Опасное. Отпечаток древнего зла.

Алекс вздрогнул, когда сзади подошла мачеха с мокрым полотенцем в руках и сказала:

— На-ка вытри кровь. Красавец. — Он поднялся и осторожно отёр краем полотенца разбитую и распухшую губу. Посмотрел на красное пятно на ткани и перевёл взгляд на хмурую мачеху. Та снова заворчала, но уже как будто теплее: — Ну, чего ты тут стоишь смотришь? Старику покой нушен.

— Хочу, чтобы вы уехали отсюда. Плохие новости есть. Заберу вас на «Ясном» и отвезу в столицу, в свой дом. Он всё равно пустует, а там вы будете в безопасности.

Грейя хрипло воскликнула:

— Ты смерти его хочешь или што?! Никуда он ехать не сможет!.. Дай ему спокойно дожить!

— Да не выйдет здесь спокойно дожить, мать, — не сдержался Алекс. — Сегодня в таверне местные ивварцы сцепились с моими парнями только из-за того, что те чу-

жаки и говорят на другом языке. Я потерял убитыми боцмана и двоих крепких матросов, а ещё троих замели за драку местные власти. Слышишь? И будет только хуже. Может начаться новая война!

Мачеха гневно отвернулась в сторону, заворчав под нос:

— Говорит-та, аки дворцовый вельмоша теперича, ишь ты, птица. Потерял убитыми он!..

Алекс пожалел о резких словах, попробовал утихомирить мачеху и приобнял, отводя обратно на кухню.

— Я хочу как лучше, послушай меня...

— Тебя, друшочек, не было здесь пять лет. Тебя и твоего брата, который сбешал в Иввар незнамо зачем. С чего же я долшна тебя слушать?

— Я писал вам и высылал деньги. Я не мог прийти.

Грейя ткнула скрюченным пальцем в сторону спящего отца.

— Посмотри! Как думаешь, нушны ему твои деньги?!

Алекс медленно потянул носом воздух, успокаиваясь. Он не мог назвать причину, по которой ушёл тогда из дома и не появлялся так долго. Не мог сказать, как, кроме всего прочего, ему тяжело находиться здесь, видеть дом своего детства и понимать, что теперь ничего не будет как прежде. И что всё, что он знал о родных, перевернулось с ног на голову.

Но Алекс не желал, чтобы они погибли здесь в одиночестве, забытые всеми.

— Может, заваришь чайку? У вас ещё остался тот, что я передавал из последнего рейса? — примирительно спросил он.

Котелок на кухне закипал долго. Алекс сел на край табурета, облокотившись о шаткий подоконник, и посмотрел в окно. Пытаясь погреть что-нибудь из еды, Грейя

всё-таки застучала кастрюлями, а потом поставила перед ним чашку, ту самую, с отколотым краешком, которая когда-то принадлежала ему. Семнадцать лет назад!

На улице мгновенно потемнело. Пошёл дождь, сначала мерно, будто гроза не решилась тревожить покой старого дома и спящего в соседней комнате старика. Старика, с которым Алекс, может, больше никогда не поговорит. Но и ждать нельзя... И дождь разошёлся сильнее, начал заливать струями мутное стекло. Сверкнула молния.

— Мы не уедем, Алекс, — повернувшись и вскинув голову, заговорила мачеха. Запавшие глаза блестели на высохшем лице. — Все уехали. Гисри уехали уш, верное, с месяц как. Дорены, что напротив, тоше. Собрали пошитки — и к родственникам на Юшный. Все бегут. А мы не уедем.

Да она такая же упрямая, как и отец.

— Вы погибнете здесь! Будет война, понимаешь?

— Не померли в Летний Мятеш, не помрём и сейчас! А нет — так туда нам и дорога, — она глянула на улицу, отодвинув край занавески. — Тебя там шдут.

Алекс отпил глоток горячего чая и с досадой поднялся. Отец, похоже, и впрямь не переживёт это плавание... Иначе он забрал бы их сейчас насильно, что бы мачеха там ни бормотала! Ладно отец. А с ней что будет?

— Матушка, послушай меня. Ещё есть время, недели две точно, — он подошёл и взял её за руки. — Я отправлю к вам лекаря из столицы, пусть посмотрит, и вы сможете уехать вместе с ним. Хорошо? Я не оставлю вас одних.

— Ступай, ступай. Пришлю весточку, если отцу станет лучше, — она отвернулась, будто пряча слёзы.

Алекс молча обнял её, поцеловал в седые волосы и не оглядываясь вышел за порог, где под дождём жда-

ла повозка. Он пришёл сюда слишком поздно. Он мог бы увезти сварливую старуху прямо сегодня, забрать и умирающего отца, но они не простят этого до конца дней. Старики перед смертью так привязываются к родной земле, точно она их манит.

Сжимая пальцы, Алекс провёл ладонью по лицу, подставил его ливню и взгляделся сквозь потоки в чёрные тучи. Когда-то эти места были и его родиной, давно, но ведь были. Быть может, и он в старости вернётся сюда умирать? Алекс обернулся на покосившийся дом, едва различимый в косых струях воды. Давай, налетай, ветер! Хлещи. Непогода охотно отозвалась на его мысли — ливень зарядил мощнее, сплошной стеной заливая всё вокруг. Тряхнув головой, Алекс подошёл к мокнущему под деревом кучеру.

— Трогай! — скомандовал он ему и вскочил внутрь.

Если он не сможет забрать с острова отца с мачехой, то должен сделать всё, чтобы повлиять на эту войну! Пока есть хоть малейшая возможность... Его предок и так натворил много зла. Теперь его черёд что-то исправить.

Слушать своё сердце

Исход лета, год 86 от Первого слова.

Деревня Сагард, северо-запад острова Шинтар, Энария.

— Эй, чего спишь, раззява?! — снова окрикнул долговязый Изен и шутливо кинул незрелой виноградиной.

Джейна ничего не ответила — только щеки налились жаром — и опустила голову. Лучше вообще не замечать их, чем снова привлекать к себе внимание.

Изен крикнул своего дружка-соседа Бертвуда, и они, присев, начали о чём-то перешёптываться, поглядывая краем глаза на Джейну. Засмеялись. Она взмахнула мотыжкой, с силой вонзая её в землю. Смеются над ней. Наверное, есть над чем. Она снова ощутила себя слишком высокой для девицы восемнадцати лет, слишком нескладной и непохожей на остальных местных — даже волосы вились иначе.

Не по-осеннему жаркое солнце пекло спину. Джейна поправила повязку, чтобы не жгло макушку, убрала волосы со лба и принялась разрыхлять землю возле кустов. Надо закончить с этим рядом, пока не пришёл дядя и не

начал пенять, что она полдня проходила неизвестно где вместо работы.

Вся деревня по большей части только этим виноградом и жила. Им были засажены все крутые склоны на террасах, кроме густых пастбищ, на которых паслись козы. Вино, молоко и сыр — вот и всё, чем мог похвастаться маленький Сагард, спрятанный в самом сердце острова. Да и местные Джейне поначалу казались какими-то не такими. И разговоры всё о земле, урожае, а ещё постоянные сплетни, от которых хотелось затыкать уши. Будто больше поговорить не о чем!

Было трудно привыкнуть к деревенской жизни после шумного города у моря. Джейна ещё тосковала по нему, там всё было иначе. А ведь уже пять лет прошло...

На уходящем солнце блеснула металлическая пластинка мамино браслета, спрятанного под рукавом. Единственная её вещь, случайно найденная в сундуке. И снова оглушили воспоминания о том дне, когда мать пропала так внезапно... и как после этого отец помрачнел и начал пить, становясь всё более невыносимым. Что произошло между ними, Джейна так и не узнала.

Спустя месяц отца нашли утонувшим в бухте недалеко от берега. А из Сагарда приехал дядя, чтобы забрать к себе в деревню. Джейна тогда уселась на мамину кровать и с места сходить отказалась, пока дядя оттуда силой не стащил и не поволок за собой.

Суэта по продаже дома улеглась быстро. Как и вещи. Влезли в одну повозку вместе с парой сундуков родителей. Вот и всё, что осталось. Джейна помнила, как до упора смотрела назад, в море, пока телега медленно тащилась по склону, увозя в далёкий и чужой Сагард. Потом отвернулась, а светлая полоса горизонта ещё долго висела перед глазами, плыла ярким пятном и никак не думала пропадать.

Деревня, в которой дядя был старостой, поначалу ей совсем не понравилась: маленькая и скучная. Домов штук тридцать, каждый кособокий на свой лад. Кругом горы, горы, а она среди них, как в какой-то яме. Джейне до духоты не хватало простора. Разве что небо ещё было видно над головой и звёзды. Только на них бы она и смотрела, лёжа вечерами на тёплой земле и выискивая среди ярких пятен те, которые больше всего любила...

Джейна осторожно глянула на притихших в зарослях парней и снова присела, закусив губу. Кажется, она никогда не почувствует себя здесь как дома. И всегда будет чужой. Скорей бы вечер! Но солнце, как назло, тащилось по небу, точно нагруженная телега в крутую гору.

Вскоре рядом никого не осталось, Джейна одна продолжала задумчиво копать в земле, снова уйдя в далёкие, тоскливые, уже отчасти зыбкие воспоминания. Но вдруг точно гора отбросила широкую тень. Джейна увидела сначала только заляпанные грязью сапоги, но даже этого хватило, чтобы понять — дядя.

— Ну что ты так долго возишься? Весь день прошёл, а толку от тебя чуть, — с укором и разочарованием произнёс он.

Она подняла глаза. Несмотря на возраст, дядя оставался подтянутым, волосы и нахмуренные брови ещё были чёрными, а руки — крепкими и сильными, словно помнили дни, когда он занимался тяжёлым трудом. Сейчас как староста он больше руководил другими, чем выполнял что-то сам, но с ним никто не смел спорить. Он многое делал для благополучия Сагарда — теперь, спустя шесть лет жизни в деревне, Джейна это видела. Занимался торговлей, налаживал новые связи с городом... но при всём при этом он так часто был к ней несправедлив!

А сегодня и вовсе был сам не свой, будто с кем-то поругался.

— Я скоро, — пробормотала Джейна.

— Это потому что ты много ленишься и болтаешься незнамо где не по делу. Давно надо было отдать тебя замуж, там бы тебя научили уму-разуму и приучили к труду!..

Ну да, замуж. Может, ещё за этого долговязого?! Джейна поднялась с колен, едва не сравнившись с дядей по росту, и отряхнулась, как тот вдруг смерил её тяжёлым взглядом и заявил:

— Знаю, тебя снова у Вария видели. Мне не нравится твоя с ним дружба, сколько уже говорить?! Я хочу, чтобы ты перестала без конца к нему бегать. В конце концов, по деревне уже идут неприличные слухи. Поняла меня?

Так вот в чём дело. Этот разговор был не первый.. Дядя давно был против её общения с мастером-плотником, только так и непонятно, что именно ему не нравилось. Сначала дядя говорил, что тому нельзя особо верить. Потом про то, что у Вария не все дома и на проповеди он ходит через раз. И теперь это...

— Но, дядя, мы же...

— Хватит! Я всё сказал.

— Как скажешь, — Джейна как можно спокойней пожалала плечами. Сейчас точно бесполезно спорить, она знала. Да и они давно перестали ссориться в открытую.

— Вся в мать, — ни с того ни с сего разозлился дядя, раздражённо развернулся и ушёл.

Это было больное место. Джейна до сих пор не смирилась, что все сочли её мать погибшей. Зачем дядя только тогда приехал!.. Но ему, видимо, пришлось взять её на воспитание, просто чтобы не оставлять одну в городе. Хотя большой любви к ней и к своему брату — отцу Джейны — он никогда не проявлял.

А деньги от продажи родительского дома дядя вложил в торговлю, пообещав отдать, когда она выберет себе спутника и заведёт семью. Но выбрать не хотелось. Какой смысл!..

Джейна выпрямилась и осмотрелась. Близилось время вечерней проповеди в храме, а это единственное, что она старалась не пропускать. Ради отца, ради памяти о тех тёплых семейных вечерах, ради умиротворения от молитв. Иногда казалось, что эта вера — единственное, что связывает её тонкой нитью с родителями, не даёт забыть и окончательно потерять себя и силу духа.

Так искренне верил отец... Джейна помнила, как вместе они ходили на службы, как строго он соблюдал все обряды и отмечал праздники. Может, и её судьба такая: быть ревностным Служителем веры? Джейне всегда казалось, что она должна сделать в жизни что-то важное. Особенное. Что-то действительно нужное для других.

Грустно прозвучал гонг из храма на склоне, и звон разошёлся в вечерней тишине, как круги по тихой воде. Только почему-то вместо привычного спокойствия в этот раз охватывало смятение, будто слова дяди всё же заделли за живое и всколыхнули старые обиды и затихшую боль.

Может, там, в храме, ей станет полегче.

Джейна повела уставшими плечами, стряхнула грязь с широких рабочих штанин и, оглянувшись, решила, что ещё успеет искупаться. Она, как обычно после тяжёлого дня, пробралась по тропинке в лавровом лесу, обогнула высокий утёс и дошла до своего любимого места на берегу реки. Зайдя за кусты, Джейна скинула одежду и окунулась в потоки любимой Яруны. Отсюда была вид-

на и самая высокая гора острова — Плачущая, которая поднималась выше облаков. Вечером по её прогретым чёрным скалам струилась чистейшая вода и скапливалась в левады. А те несли её по террасам, опоясывающим весь остров, и отдавали множеству горных ключей и водопадов.

У них на побережье плавать умели все. Некоторые умудрялись проводить в воде по полдня и при этом чувствовать себя так же прекрасно, как на суше. Джейна тоже любила воду и могла задерживать дыхание так долго, что доставала до дна в самой глубокой впадине бухты. И вода там почти всегда была тёплой и ласковой, даже тогда, когда в открытом море расходился шторм — слишком узкой и извилистой была бухта, защищавшая остров от всех напастей.

Но не успев даже смыть грязь и усталость, Джейна услышала шум шагов. Вдохнув побольше воздуха, нырнула как можно тише и поплыла под водой к густому кустарнику. Доплыв, она коснулась ногами каменистого дна и осторожно выглянула на узкую тропку к реке. Увидев знакомых парней, сразу спряталась за листья. «Серый, кажись, пришёл», — разобрала Джейна слова из торопливого шёпота Изена. Она затихла среди кустов, оттолкнула водоросли, плывущие по течению, и дождалась, когда парни скроются за поворотом. Не хватало ещё, чтобы заметили её неодетую. Она быстро вылезла, торопливо натянула рубаху со штанами на озябшее тело и поспешила домой.

В деревне было непривычное оживление. Неужели и впрямь Серый пришёл в деревню? Джейна раньше была уверена, что у таких особых Служителей и дела... особые. Они ведь считались приближёнными к Верховному, говорили, будто сам Покровитель поведал им осо-

бую тайну. Иногда Джейне отчего-то особенно сильно хотелось эту тайну узнать, стать к ним ближе, но ни одного из настоящих Серых она раньше не видела.

Торопясь, Джейна сменила влажную рабочую одежду на белую свободную тунику, опоясанную широкой красной лентой, заново заплела аккуратную тугую косу и выбралась из дома.

К потрескавшимся белым стенам храма, который стоял на склоне и гордо смотрел на горизонт, уже подошли Служитель Ариан, дядя Джейны с женой Хильдой и тот самый, прибывший сегодня, таинственный Серый. Джейна замерла и проводила его взглядом, полным острого интереса... неужели из столицы приехал?

Все прошли внутрь, под прохладные своды храма, обычно дарящие успокоение и снимающие тревогу. Но не в этот раз. Привычная служба шла своим чередом, как вдруг тот самый Серый, стоявший неподалёку от Ариана, нашёл глазами Джейну, посмотрел странно-заинтересованно и слегка улыбнулся. Или показалось? Но нет, он смотрел именно на неё, так внимательно и пристально...

По спине пробежали мурашки, и все следующие слова проповеди Джейна пропустила мимо ушей. А когда та закончилась — неожиданно быстро, — ещё отчего-то замешкалась на месте.

Серый подошёл прямо к ней, отыскал среди расходящихся и остановился рядом. У него было довольно приятное лицо, почти красивое, длинные светлые волосы. И для человека такого положения он казался слишком молодым: лет тридцати. Но взгляд пробирал до костей.

— Доброго вечера, кирия, — спокойно заговорил он, внимательно её изучив.

— Доброго, — Джейна наконец нерешительно кивнула и почтительно склонилась. Правильно ли она делает? Или должна вести себя как-то иначе? Как бы не навлечь на себя его гнев! Но Серый вдруг заговорил так, что она не поверила своим ушам:

— Так это ты — та самая племянница Имейра? Я много слышал о тебе.

Слышал о ней? Дядя рассказывал что-то особенное? Как он её узнал?

Вместе ответа Джейна только кивнула ещё раз и опустила глаза в пол.

— Знаю, ты верующая. Хотела бы пойти служить к нам?

Джейна чуть не пошатнулась от неожиданности. В храм в столице? Он хочет позвать её как одну из Серых?! Это же на всю жизнь! Да и говорят, что выбор, кого взять для такой высокой чести, делает сам Покровитель... Неужели?

— Почему я? — только и хватило сил просипеть.

— Дай-ка мне свою руку.

Джейна, не в силах ничего понять, протянула открытую ладонь. Серый принял её, накрыл своей и что-то зашептал, похожее на молитву. Послышалось имя Покровителя и ещё несколько торопливо сказанных слов. А Джейне показалось, что по руке пробежали горячие мурашки, словно кто-то овевал кожу своим дыханием.

Но это ощущение быстро прошло, будто ничего и не было.

Служитель ещё раз посмотрел ей в глаза.

— О чём вы говорите? — спросил дядя, который вдруг очутился рядом. Джейна взглянула в его обеспокоенное лицо. Только сейчас отрешённо заметила, что он

не так уж и крепок, как она привыкла думать. Морщины везде: вокруг глаз, на лбу. Жёсткие складки у рта выдают то сердито-недовольное выражение, которое так часто появляется на его лице.

Но Серый только улыбнулся.

— Всё хорошо, не волнуйтесь. Просто в вашей девочке я почувствовал что-то важное. Взгляд у неё хороший, мне понравился, — он даже подмигнул. — Нам нужны такие светлые души, как она. Я хочу забрать её завтра с собой. Может, она будет одной из нас.

Дядя, судя по всему, выглядел таким же удивлённым, как она сама. Джейне не хватило сил что-то ответить, а Серый повернулся и кивком предложил дяде следовать за ним. Казалось, он уже забыл, что она тоже здесь.

Ошеломлённая, Джейна так и осталась в опустевшем гулком помещении.

Неужели её и правда хотят принять к себе сами Серые?

Не это ли то особенное, о чём она сегодня так неосторожно подумала?!

Она думала уйти когда-нибудь к Служителям, когда окончательно поймёт, что не нашла себе иного места. Но то Служители, которые казались обычными людьми, такими же, как и все вокруг, со своими семьями, живущие по-простому и понятному. А то Серые! Ими можно стать только раз и на всю жизнь. И всю себя посвятить делам Церкви. Следить за миром и порядком, быть стражем спокойствия всех людей...

Навсегда.

Джейна скорым шагом вышла из храма, добралась до длинной тени ближайших деревьев и только тогда остановилась и замерла, задумчиво коснувшись шершавой

коры. Дядя будет занят весь вечер; подруг, настолько близких, чтобы поделиться, у неё так и не нашлось и...

Есть только один человек, кто сможет понять её. Джейна тряхнула головой, спустилась с холма и пошла на окраину деревни. Там на отшибе, под сенью низких елей прятался старенький, но добротный дом с каменным крыльцом. На её счастье, Варий оказался на месте, а не исчез без следа, как иногда бывало.

Пытаясь делать вид, что всё в порядке, Джейна окликнула мастера.

— Привет, подруга! — тепло сказал Варий, оторвавшись от рабочего стола и вытирая лоб рукой. Обычно он носил на лбу повязку, чтобы волосы и пот не мешали работать, но в этот раз был без неё. Светлые тонкие волосы он зачесал назад, а на плотную рубаху накинул фартук — видимо, работать предстояло с краской.

— Почему тебя не было на проповеди? — рассеяно спросила Джейна, не зная, с чего начать.

— Есть другое дело, — пожал плечами Варий, переворачивая деревянную болванку.

Иногда Джейна получала поручение от дяди или других забрать какой-то заказ, и тогда она любила усесться на лавку и смотреть, как Варий работает по дереву: быстро и ловко пилит, снимает лишние слои, строгает, вырезает узким ножом деревянные украшения. А ещё во время работы он был не прочь поболтать.

Когда она была маленькой, даже их город казался огромным и бесконечным миром, который за всю жизнь не обойти. Но Варий рассказал, насколько мир большой на самом деле. Во времена Летнего мятежа, пять лет назад, он сражался на островах за короля и успел многое повидать, пока не получил ранение, от которого по сей день хромот.

Он рассказывал про бескрайний океан, дикий и свое-
нравный; про опасных разбойников и смелых капитанов;
про огромные поля и долины; горы, не как у них, а такие
высокие, что прячутся в облаках и даже летом покрыты
снегом и льдом; про людей, живущих в громадных го-
родах...

Джейна привычно уселась на лавку, подобрала одно
колени и отрешённо посмотрела на мастера. Её давно уже
не пугали ни его сильная хромота, ни то, как самую ма-
лость косит в сторону левый глаз — увечья, из-за кото-
рых многие жители деревни сторонились Вария, а неко-
торые даже обходили его дом.

Но сейчас мастер казался Джейне одним из самых
родных и знакомых людей на свете. А дядя запретил
с ним общаться, и теперь ещё Серый и новая участь...
как сказать об этом всём?

— Чай будешь? Поможешь? — заговорил Варий.

Джейна молча кивнула и сходила за водой, а потом
принялась вытаскивать с полки мешочки с травами.
А мастер снова взялся за инструмент и вдруг спросил:

— Что это у тебя? — он указал кончиком рабочего
ножа на браслет с пластинкой, который стал виден из-
под рукава светлого наряда.

Она хотела сначала спрятать его, но потом поколеба-
лась и показала.

— Браслет... нашла неделю назад в старом сундуке.
Уверена, моей матери, хотя на ней никогда не видела...
Даже странно, что дядя ещё не выкинул. Может, не нашёл.

— Можно взглянуть? — Варий отложил в сторо-
ну необструганную деревяшку и, захромав чуть сильнее
обыкновенного, подошёл к лавке и присел.

Джейна развязала кожаный плетёный ремешок
и протянула браслет мастеру. Он коснулся серебряной

пластинки, перевернул на обратную сторону и изучил символы. Почему браслет так его заинтересовал? Джейна затаила дыхание. Ей сразу показалось, что это непостоянная вещь, хранящая тайну, но теперь сомнения одолели ещё больше. Тут Варий протянул его обратно, внимательно посмотрев ей в лицо. От этого стало не по себе.

— Эта пластинка просто очень похожа на те, что делали в Ивваре, в маленьком городке под Скогримом, м-м-м, несколько лет назад. По крайней мере, я точно видел там такую же. Хотя... может быть, браслет просто похож. Но лучше тебе не носить его, а то может возникнуть много лишних вопросов.

Лишних вопросов? У кого, у Служителей? Или у дяди?

Слишком много тревог для одного дня. Джейна стиснула браслет в кулаке и наконец решила заговорить о самом важном:

— Варий. Сегодня на проповеди... был Серый. И он, — Джейна почему-то опустила взгляд в пол, — он сказал, что заберёт меня в храм Покровителя, чтобы я стала одной из них. Это, конечно, большая честь, и когда-то я думала, что стану одной из Служительниц, посвящу жизнь Покровителю, но я... не знаю, что делать.

Джейна подняла глаза на старого друга, ища в нём одобрения или понимания. Он ведь единственный, кто хорошо знает её, кто всегда был так добр и внимателен, кто принял её такой, какая она есть... Варий молча слушал и ничего не отвечал, только продолжал заниматься работой. Но потом, чуть помолчав, мягко спросил:

— Ты веришь в Покровителя?

— Он спас меня однажды. Я заблудилась в лесу, ещё там, в Шинтаре, и умерла бы от голода, а после молит-

вы смогла найти путь домой. Я думаю, он слышит нас и наши просьбы.

Варий улыбнулся.

— Сдаётся мне, тебя спасли не только молитвы, но и стойкость. Знаешь ведь, я часто говорил: судьба помогает смелым.

— Ну, так я вовсе не смелая, — поджала губы Джейна.

— Ты просто плохо себя знаешь, — мастер снова принялся за работу, взяв очередную заготовку. Она пыталась понять, о чём он сейчас думает и почему молчит, а не улыбается как обычно. По его лицу, как всегда, ничего было не разобрать. В конце концов Варий спокойно произнёс:

— Это важное решение, Джейни. Я не смогу тебе помочь в этот раз, не жди от меня совета.

Эта фраза прозвучала так жёстко, что стало не по себе.

— Почему? — растерянно пробормотала она.

Варий продолжил работать и долго не отвечал, спокойно и терпеливо обстругивая деревяшку, убирая лишние стружки и снова осматривая то, что получается.

Если и он... если и он сейчас отмахнётся от неё как от надоедливой мухи, то... может, она ему и правда только мешалась всё это время со своими глупыми расспросами. Может, ей и правда лучше уйти навсегда в храм. Неприятно защипало в носу. Джейна отвернулась, всё ещё надеясь, что Варий ответит.

— Потому что я рассказал тебе всё, что должен был, — наконец сказал Варий, так и не глядя на неё. — Твоя жизнь в твоих руках, Джейни. И не всегда нужно слушать тех, кто говорит, как надо поступать, а как не надо. Слушай своё сердце, вот и всё.

— Но...

— Джейни, — Варий взглянул на неё исподлобья, — я в тебя верю. Иди.

Он мягко кивнул на дверь и снова вернулся к работе. Спокойный и безразличный. Джейна решительно поднялась и даже не нашла в себе сил попрощаться, сдерживаясь, чтобы не слишком щипало глаза. Ну что такое, в самом деле! Ничего же не случилось. Только на душе как-то чуждо. Будто что-то закончилось. Что-то хорошее.

Тоска потянула её на восток, к высокому и отвесному мысу Рока. Хотелось сбежать ото всех. Узкой тропинкой вдоль обрыва, где с другой стороны бежала левада и высились громада скалы, Джейна наконец добралась почти к самому краю обрыва. Она уже не раз запачкала светлые одежды в красно-коричневом песчанике, по которому карабкалась вверх, но сейчас это её не волновало.

Она осторожно поднялась на край сыпавшейся под ногами земли и замерла, не в силах двинуться с места на выступе. Перед ней распахнулась громадная пропасть, вокруг — голые скалы. И бурный водопад, срывающийся в такой далёкий океан. Вода текла повсюду: справа, слева, внизу, дымкой висела в воздухе.

Закат, охвативший всё огромное небо над океаном, был необычайной красоты: красно-фиолетовые облака да золотое сияние ушедшего солнца у самого горизонта. Ветер замер, словно давал всласть наглядеться на это чудо.

Какие земли могут лежать за таким гигантским океаном и сколько до них добираться? Глядя вдаль, Джейна ощутила в груди острую боль, потянувшую её туда, за горизонт. Говорят, мир такой огромный и никому невозможно обойти его весь. Сейчас она легко в это верила...

Джейна снова взглянула на загадочный браслет и медленно погладила пальцами пластинку. Мама. Что же на самом деле случилось с тобой?

И что ждёт её сама? Она глубоко вздохнула, прикрыв глаза. Достало бы ей смелости, чтобы отправиться в чужую страну... Мама, может быть, жива. И может, этот браслет — знак от бога и повеление отправиться туда. Варий узнал его. Надо только поверить. Слушать своё сердце! А что, если оно само не знает, что для неё лучше? Посвятить жизнь служению или найти... найти следы матери в этом чужом Ивваре, понять, кто она сама такая?

Слушать своё сердце... звучит так просто, но как это на самом деле сложно! Сложно — поверить и перестать сомневаться.

СТОЛИЧНЫЙ ЗНОЙ

Аркетар, столица Энарийского королевства.

Лошадь, тянущая скрипевшую на поворотах телегу, взмахнула хвостом: назойливая мошकारа липла к её бокам. Ветер был совсем слабый, и берег, вместе со шхуной оставленный позади, лениво качал на прощание пальмовыми листьями.

День обещался быть жарким, на ухабах неслабо мотало, но настроение у Эрика было приподнятое.

Он шутливо оскалился некрасивой тонколицей женщине рядом с возничим, которая бросала через плечо короткие испуганные взгляды. И каждый раз, увидев его улыбку, спешила отвернуться, что только забавляло. Будто он был диковинным зверем, от которого не знаешь, чего ждать. Сидевший напротив него худой и сутулый матрос Красавчик позавидовал такому вниманию и завёл с дамой праздную болтовню с глупыми шутками. Эрик тут же потерял всякий интерес к своей игре и отвернулся.

Степи и поля сменились высокими холмами и редким сосняком. Скалистые склоны всё круче и выше об-

рывались к морю. Зашумел жаркий ветер, обдал лицо запахом пряностей, известняковой пылью и... свободой. Знаменитый Аркетар, столица Энарийского королевства, вольготно раскинулся на побережье Илакийского моря — самого прогретого в этих широтах, с тёплым течением на юго-западе, огибающим Итенские острова между двух стран.

Эрик с удовольствием потянулся, откинулся на тюки с зерном, подставив лицо палящему солнцу, и зажмурился. Э-хэй! Подумаешь, жара, ему-то не привыкать! И эти места уже были по нраву. Он чувствовал себя полным сил. Эрик столько слышал за этот год про столицу, что она казалась городом сказочных возможностей.

Свобода! Простор. Крупнейший порт страны, место стоянки королевского флота, лучшие кабаки и весёлые дома. Здесь будет где затеряться в толпе от преследований последних лет и где найти новый заработок. Жалованье за этот рейс оказалось просто смешным. А ведь капитан Блайт говорил, что оценил его навыки матроса, и не раз предлагал остаться поработать марсовым. Скупердяй!

Но плевать, у Эрика всё равно другие планы. Если Красавчик не подведёт... он ведь пообещал хорошего и надёжного человека, которому можно верить.

Главное, что удалось смотаться с родного острова без лишнего шума. Вряд ли за ним погонятся и сюда. Хотя тот странный Серый Служитель, невесть откуда свалившийся вместе со своими ищейками, был очень настойчив. Похоже, кто-то из недоброжелателей сдал, сказал, что Эрик особенный. Вот только демона лысого они чего докажут!

Вскоре телега остановилась перед развилкой. Возница собирался повернуть на запад. А им с Красавчиком

осталась последняя проверка на въезде — и они на месте. Эрик спрыгнул на землю, подкинул медную монетку возникшему и на прощание подмигнул его неказистой спутнице.

Долговязый Красавчик потянул Эрика за собой по одному ему известной дороге. Тот подхватил с телеги сумку с ремнём, забросил на плечо и быстро догнал напарника.

Жара сделала все запахи ещё резче. А бедные окраины здесь и без того пахли препротивно: кислятиной, остатками гнилых фруктов, дешёвой выпивкой. Замерли в этой духоте куцы кипарисы, почти не дающие тени. Мимо прошмыгнул оборванец в балахоне, таща что-то тяжёлое под мышкой, да тут же споткнулся на мощённой известняком дороге. Эрик легонько пнул торчащий булыжник. Ничего себе город! У них что, столько камня, что даже на такие захолустья не жалко? На Корсакийских островах дороги были сплошь грунтовыми, даже в городах.

Энарийская речь повсюду раздавалась со странным напевным говором, куда более мелодичным, чем его родное наречие: надо бы выучиться, как они это делают.

Эрик широко перешагнул через лужу помоев, вытекающую из упавшего ведра. Не хотелось так быстро запачкать последние целые штаны с рубахой. Новые теперь не скоро раздобудешь: денег совсем не густо. И именно этим стоит озаботиться в первую очередь. Только хочется заработать не мелочовкой, а чем-то стоящим...

— Куда теперь?

— Для начала пожрать бы, — осмотрелся по сторонам Красавчик. — Потом поищем старину Джо. Сколько у тебя денег, Черноглазый?

Как бы другие матросы в команде ни пытались за этот рейс приклеить к нему какую-нибудь дурацкую

кличку, им не удавалось. Чего только не придумывали: то Дёготь, то Везучий, теперь Черноглазый. Смешно. Эрик цокнул языком.

— Не твоё дело.

— Да ну тебя! Пошли в кабак, потом поднимем ещё, и немало. Джо обещал, а у него слово, что камень. Однажды мы с ним такой товар с рук сбыли, за который никто другой бы и не взялся! Ну, ты понимаешь... Так он за пару дней... — начал на ходу вещать Красавчик, потянув Эрика в сторону ближайшего питейного заведения.

Чтоб его! Набивает себе цену. Эрик вообще не любил работать с кем-то в паре, особенно с такими типами, как Красавчик. Только если иначе никак. Но тот, похоже, крепко привязался.

— Ладно, топай.

Потратившись прилично, они выползли из кабака сытые и довольные. Солнце всюду пекло затылок. Зато приятный вкус нормальной человеческой еды вытеснил душок застарелой похлёбки и дрянного пива, которыми их щедро угощал кок.

Пару кружек крепкой настойки — и Эрик запросто выяснил, где тот дом, в котором их ждал Джо, а потом размечтался, как избавится от болтливого «друга». Хуже бабы!

Но Красавчик так просто не сдавался. Он жаловался на зной, но всё равно бодро шагал вслед за Эриком по улице, которая вела в самое сердце столицы. Здесь народ уже был поприличней, в просторных лёгких нарядах, похожих на платья. Встречались и совсем богато одетые купцы в экипажах с лёгким навесом от палящего солнца. Уши наполнили стук копыт по камню, гомон и шум оживлённых дорог.

Через несколько поворотов они миновали огромный храм Покровителя из тёмно-серого камня с серебристы-

